

И. Л. СОЛОНЕВИЧ

За тенью Распутина¹

<Фрагмент>

Возрождение Холливуда

На голливудских экранах мировой печати — в том числе и эмигрантской — снова мечется пресловутая распутинская тень. Снова обсуждаются причины крушения Империи. Эмигрантская публицистика уровнем своего понимания снова пытается переощеголять голливудских режиссеров. Становится и грустно, и противно.

Вопросу о крушении Империи и Монархии посвящены две книги: И. Якоби и проф. Перса. Первая старается обелить память погибшей Царской Семьи. Вторая тщательно разыскивает причины падения Империи за кулисами Трона. Книга Перса заполнена «документальными» данными об этой закулисной борьбе. Об этих данных П. Милюков выражается очень осторожно: проф. Перс «слишком доверчиво относится к своим источникам, цenia их свежесть, но не критикуя их достоверности». И отмечает «несоответствие между изображением и реальной действительностью». Реальной действительности книга проф. Перса никак не отвечает. Ив. Тхоржевский в «Возрождении» считает <книгу> Якоби «убогим черносотенным лубком». «Часовой» в связи с ней туманно пишет об «ошибках Короны». Статья Тхоржевского вся посвящена доказательствам того, как распутинщина убила «душу монархии», и намекам на тему о том, как-де слабоволие Государя и болезненность Государыни привели к «надругательству над русской служилой честью», и, наконец, описанию того, как «солдатский сапог растоптал монархию».

По тхоржевско-голливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик. Распутинская борода — а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца, заслонили собою и историю России, и преступления правящего

¹ Печатается по: Солоневич И. Л. За тенью Распутина (1939 год) // Наша газета. 1939. URL: <http://ricolor.org/history/mn/nv/8/>.

слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность — все заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбы России. Чем не Холливуд?

Это банально-дурацкое, тхоржевско-голливудское, детективно-сенсационное представление о роли Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдалбливается в сознание всего мира — в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление — насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин — это неопенимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои собственные грехи. Это — щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабости Императора: сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабыми.

Давайте бросим голливудскую пинкертоновщину и поставим вещи на свое место. Вещи, поставленные на свое место, будут располагаться приблизительно так:

Вся внутренняя история России есть по преимуществу — если не исключительно — история борьбы Монархии с правящим слоем, во имя подчинения этого слоя общенациональным или — если хотите — общенародным интересам. Правящий слой всегда против этого подчинения боролся. Народные низы всегда поддерживали общенародную линию. Борьба началась с удельного периода — с подчинения «прав» удельных князьков задачам обороны страны. Род Калиты окончательно сломал этих князьков. Поэтому-то для одного из этих князьков — Курбского род Калиты был родом «издавна кровопийственным». «Кровопийственный род» собрал землю Русскую в один кулак. Князьки пытались овладеть этим кулаком изнутри. Иван Грозный разгромил и эти попытки — в стиле и способами, которые вообще были свойственны тому времени. Но Иван Грозный понимал историю несколько лучше Ивана Тхоржевского. В своем знаменитом воззвании из Александровской слободы он сознательно обратился к «черной сотне», к низам, теперь сказали бы — «к улице». Улица его и вывезла. Если из нашего исторического понимания изъять влияние низов, влияние «улицы», то мощь русской монархии будет совершенно непонятна: откуда все собиратели земли Русской брали силы для борьбы с уделами, с боярством, с местничеством, с «верховниками», с крепостниками и с прочими милыми людьми? Силы эти давали низы.

Петр Великий получил уже прочно сколоченное здание самодержавия. Но и ему пришлось начать свою политическую карьеру с очередного разгрома застойного, чванного, неработоспособного слоя. Отсюда и Алешка Меньшиков, и Курпатов, и Ежов и прочие.

До периода Императриц внутренняя история России шла по, так сказать, путям Адольфа Гитлера. *Demeinnutz vor Eigennutz*: раньше всего общенародное благо. А ежели этому благу не хотите подчиниться добровольно — то «у меня есть палка, и я вам всем отец».

При Императрицах внутренняя история России пошла, так сказать, вспять. Временщики, заговоры, дворцовые революции, цареубийства. Люди, пришедшие к власти путем дворцовых переворотов и цареубийств, не могли не считаться с авторами этих переворотов. Судьба ее супруга не могла не мерещиться Екатерине. Нужно было идти на уступки. Вот и «матушка-царица». Она была матушкой для десятков своих любовников, но она едва ли была такой же матушкой для миллиона крестьян, раздаренных этим любовникам. Александр Первый не мог не оглядываться на судьбу своего отца: отсюда его либеральное модничанье.

Попытка декабристов была предпоследней попыткой очередного гвардейского переворота — последняя попытка была сделана в феврале 1917 года. Декабристы натолкнулись на гвардейского мужика и были разбиты. Николай Первый — Николай Палкин, как его обзывают большевики, — собрал в своем железном кулаке те силы, без которых александровская реформа была бы технически невозможной. Палка Николая Первого подготовила манифест Александра Второго.

Сын и внук Царя-Освободителя с колебаниями, неизбежными во всяком человеческом деле, продолжали политику Императоров, а не Императриц: подчинения всей страны вот этому самому «общему благу». Но Николаю Второму пришлось действовать в тот период, когда правящий слой догнивал окончательно. Цифры — бесспорные и беспощадные цифры дворянского земельного оскудения — это только, так сказать, ртутный столбик общественного термометра: температура упала ниже тридцати трех: смерть. Слой, который не мог организовать даже своих поместий, — как мог он организовать государство.

Я, конечно, не говорю об исключениях — типа Столыпина. Я говорю о слое. Николай Второй попал в то же положение, о котором говорил Ключевский: «московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации». На низах эта администрация была сильно разбавлена оппозиционными разночинцами. На верхах она была аристократической сплошь. Слой умирал: полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром: не трудящийся да не живет.

Без войны смена слоя прошла бы, конечно, не безболезненно, но, во всяком случае, бескровно. Однако на Николая Второго свалилось

две войны — и ни одной правящий слой не сумел ни предотвратить, ни организовать. Слою оставалось или взять вину на себя, или переложить ее на плечи Монархии.

Левая часть правящего слоя перекладывает вину без всякого зазрения совести: «проклятый царский режим». Правой части — такой образ действия все-таки несколько неудобен — и вот тут-то и подвертывается Распутин. Дело же, конечно, вовсе не в Распутине. Дело в том, что война свалилась на нас в момент окончательной смены правящего слоя.

Один слой уже уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда-то, а во все не от Распутина, и произошло безлюдье, «министерская чехарда», «отсутствие власти» и — также трагическая безвыходность положения Царской Семьи. Отсюда же «кругом трусость и измена». Смертный приговор Царской Семье был вынесен в «августейших салонах», большевики только привели его в исполнение.

Шантаж

За кулисами всякой монархии, всякой республики, всякой человеческой жизни вообще — есть своя скандальная хроника. Скандальной хронике Екатерины Второй хватит еще на добрый десяток писательских и режиссерских поколений. Скандальной хронике Орловых и Зубовых — распутинская, конечно, и в подметки не годится, — однако ни орловская, ни зубовская хроника для борьбы против престола использованы не были.

Дело не в хронике, дело в тех слоях, которые эту хронику используют.

Великосветское общество — и правое, и левое — очень напоминает мне пронырливого фотографа-шантажиста, который забрался в семейный альбом, нащелкал там целую серию порнографических открыток и — под угрозой политического шантажа — пустил эти открытки по белу свету. Распутинская открытка оказалась, кроме того, еще и фальшивкой.

Господа Тхоржевские, вероятно, совсем забыли одно маленькое, очень маленькое обстоятельство: в годы войны почти ничего не говорилось о политическом влиянии Распутина. Говорилось совсем другое: Царица — шпионка и любовница Распутина. Распутин — шпион и любовник и Царицы, и Великих Княжен. Вот что говорилось. А кто это говорил? Солдаты на фронте или князья в тылу? Откуда шла эта клевета? Из «августейших салонов» или из окопов? От «рабоче-крестьянских масс» или из кулуаров и с трибуны Государственной Думы?

Люди, которые пускали эту клевету, не могли не знать, не имели права не знать, что жизнь Наследника Престола — жизнь, которую так

ждала не только Царская Семья, но и вся Россия, зависела от страшной гипнотической силы «пьяного мужика». Мог ли Государь, уступая клевете, пожертвовать жизнью Наследника? Могла ли Государыня — Императрица и Мать, отдать жизнь Наследника в угоду той же клевете? Сейчас с гемофилией борются средствами официальной медицины. Но и сейчас полное излечение, в особенности в молодом возрасте, невозможно, — даже и средствами протеинотерапии. В те годы удаление Распутина фактически означало бы смертный приговор Сыну и Наследнику Престола.

Тема отцовской любви сейчас, в эмиграции, разрабатывается по поводам совсем другого характера. Люди, которые на всех перекрестках мазали дегтем клеветы трагедию Царя-отца и Царицы-матери, — нынче вдруг воспылали всяческим преклонением перед отцовскими чувствами. Да, шпион... Но, вы понимаете, все-таки сын... Наследник Цесаревич шпионом не был. Почему же люди, эти же самые люди, — клеветой добивались смертного приговора Наследнику Престола? Честь служилого слоя? Почему честь служилого слоя не была задета любовниками Екатерины?

Без грима

Давайте попробуем смыть с Распутина голливудский грим. Пьяница? Можно подумать, что Тхоржевский воспитывался в институте самых благородных в мире девиц и что ни на какие банкеты он никогда и не хаживал. Петр Первый был пьяницей. Александр Третий выпивал более чем изрядно. В какой-то степени было пропито и Белое движение. Если это и порок — то никак не индивидуальный: «веселие Руси». Женолюб? Обратимся к Петру и Екатерине — которых никто по этому поводу не травил. Какая среда предъявляла эти обвинения? Та среда, для которых отечество находилось в вилле Родэ и которая публично купала в аквариумах голых «французинок» — тоже, подумаешь, Катоны, стражи семейных добродетелей, весталки обоего пола, девственники петербургских кабаков! Взятничество? После убийства Распутина у него самого не оказалось ни копейки. Политическое влияние? Его не могло не быть — но оно, к сожалению, оказалось недостаточным. Да, Распутин был за сепаратный мир. Что было бы, если бы его влияние оказалось достаточно сильным? Если бы в 1916 году Россия приняла бы германские предложения: Галиция, проливы? Как жили бы мы с вами, господа штабс-капитаны, и как жила бы Россия? Не знаю, провидел ли «таинственный старец» ави фаворабль, пермисьон де сежур, нансеновские паспорта и прочие доказательства

доблестной союзнической верности, — но кое-что в этом роде не так уж трудно было предвидеть. Назначение Протопопова? Так позвольте вас спросить — почему это Протопопов, пока он был товарищем председателя Государственной Думы, являлся столпом общественности и избранником земли Русской? А как попал в министры, — сразу же стал «германским агентом» и «ставленником Распутина»? Что же, на пост товарища председателя Думы — его тоже Распутин посадил?

Если мы начнем слой за слоем смывать с Распутина его голливудский грим — то под этим гримом обнаружится: пьяный, развратный и необычайно умный мужик. Этот мужик был, действительно, целителем, и он, действительно, поддерживал своим гипнозом жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного — сепаратного мира — он так добиться и не смог. Жаль.

Основного и мы добиться не можем. Это основное заключается в следующем вопросе:

В какой степени круги английского масонства, кровно заинтересованные в войне «до последней капли крови русского солдата», использовали распутинскую версию, стали поперек дороги сепаратному миру и вложили револьвер в нехитрую руку Дмитрия Павловича? В какой степени в этом участвовали еврейские круги? Почему теперь в «Бодрости» тот же Дмитрий Павлович снова, как и в 1917 году, предлагает Англии — а в нынешних условиях, значит, и еврейству, — ту же войну до той же последней капли крови не совсем уже того русского солдата? И почему, как и в годы войны, тот же Дмитрий Павлович, один из фактических убийц русской Монархии, снова воспылал союзническими чувствами? В какой степени сэр Бьюкенен повторил роль лорда Уитворта, а Дмитрий Павлович — роль Зубова? И чей «социальный заказ» выполняют нынче люди, морально оправдывающие убийц Распутина? В редакции «Возрождения» много бывших масонов. Может быть, они лучше меня знают этот вопрос.

Если мы точно таким же путем начнем смывать великосветский грим с правящего слоя — то под этим гримом мы увидим и развратников, и пьяниц, и стяжателей, и взяточников. На все это можно было бы и наплевать — если бы все это не сопровождалось полным упадком государственного чутья. Когда человек делает дело — ему можно и должно простить и пьянство, и разврат: его личное дело. Прощали Петру, прощали Екатерине, прощали Гете, прощали Байрону. Никого не касается. Частное дело. «Пей, да дело разумей». Правящий слой и пил, и дела не делал. Не делал как раз того дела, для которого он был поставлен историей, — организации и обороны страны.

Одиночество и безлюдье

Одиночество, в которое попала Царская Семья, — есть неоспоримый исторический факт. Это одиночество Государь объяснил с предельной сжатостью и яркостью: «Кругом предательство, трусость и измена». Господа Тхоржевские пытаются объяснить и предательство, и трусость, и измену только одним фактором — Распутиным. Даже Милюков на такое упрощение не решается. Для человека, привыкшего мыслить культурно, — этот вариант уж слишком глуп. «Распутинскою пьяной похвальбой впервые было разрушено в сердцах служилого слоя обаяние русской монархии». «Для служилого слоя Распутин был нож острый». «Государь часто (но редко до конца!) противился внушениям Императрицы, исходившим от Распутина». «Деятельность Распутина была надругательством над русской служилой честью». «Оттуда явилась и жутко росла мертвящая пустота вокруг трона». «Самым важным и самым преступным было генеральское непротивление. Но тут сыграло роль то, что у многих душа была опустошена и отвращена от власти правдой о Распутине» (подчеркнуто Тхоржевским). Вот предельные достижения тхоржевского исторического понимания.

Поставим вопрос так: а что есть правда о Распутине? Кто правду, ежели она и была, пускал по всей стране? И кто над этой «правдой» воздвигал вавилонские башни грязи, травли и клеветы? И за сим еще один вопрос: только ли Распутин был виноват в «мертвящей пустоте вокруг трона» и только ли его влиянием объясняется «жуткое безлюдье» на верхах нашего административного аппарата?

Сейчас, четверть века спустя, мы все стали необычайно умными, необычайно опытными. «Ошибки Короны» обсуждаются всеми, кому не лень. И не приходит в голову вот такого рода простая мысль. А что мог сделать Государь? Уступить? А кому именно уступить? Клеветникам? Клеветники и без уступки добились своего. Передать всю власть Государственной Думе? Будем реалистичны: это означало бы передачу всей власти Павлу Милюкову со всеми вытекающими отсюда керенскими последствиями. Мы уже знаем, что именно получилось из власти, полученной Государственной Думой в марте 1917 года. Подобрать из среды правящего слоя лучших людей? А где они были, вот эти лучшие люди?

Почти четверть века тому назад «лучшие люди» и клеветой, и ядом разорвали оковы «проклятого царского режима» или «проклятого распутинского режима». Почти четверть века подряд эти «лучшие

люди» имели безграничные возможности для проявления своих государственных талантов. Где же они, эти Столыпины и Сидорчуки, которых Корона не догадалась поставить у власти? Было Временное Правительство. Была Белая Армия Деникина. Была Белая Армия Колчака. Была Белая Армия Миллера, Юденича, Унгерн-Штернберга, Булак-Балаховича. Существует до сих пор призрак Белой Армии Архангельского. Где же во всем этом калейдоскопе хоть один государственный талант, которого Николай Второй не догадался поставить у власти? Мы еще можем спорить о военных талантах наших генералов — невеликие были таланты, прости Господи. Но в государственном и организационном отношении это была одна сплошная, жуткая, стопроцентная бездарь. Из всех этих движений самым сильным было Белое Движение юга России. Вот что пишет о военных и невоенных талантах ген. Деникина мой присяжный хулитель А. Керсновский («Царский Вестник», № 662):

Франко — это Деникин, каким бы он должен был быть.

Располагая страной с 70-миллионным населением (уже отошедшим от большевиков и разочаровавшимся в них) — он (Деникин) умудрился иметь на фронте в решительную минуту под Орлом всего 10 тысяч штыков — и ничего больше до самого Новороссийска...

Имея до 100 тысяч офицеров, он не пустил их на фронт, а запер в склепы «реабилитационных комиссий» — обрек их на пагубное безделье, пьянство, кокаиноманию, сыпняк и наганы подоспевших к зиме чекистов. А на фронте не то что каждый офицер — каждый солдат был на счету. В строй ставили только что взятых красноармейцев...

Портовые пакгаузы ломились от навезенной англичанами амуниции и одежды. А на фронте строили обмундирование из случайной сарпинки, набивали за пазуху соломы, чтобы грела, стаскивали с пленных их опорки.

Поезда не ходили. Водопровод не работал. Города сидели без хлеба. Деревни сидели без мануфактуры. Юркие личности меняли валюту на кокаин... Стрельба... Грабеж... Никто ничего не знал. Никто ничего не делал. Благообразные сенаторы попивали чаек в Особом Совещании. Милые дамы стучали на машинках в Осваге. Действительные статские советники писали патриотические стихи...

Это — правление генерала Деникина...

Франко твердо зная азбуку государственного деятеля — те истины, о которых ген. Деникин и не догадывался. А именно: 1) тыл — опора фронта, 2) второй шаг делается только после первого — и 3) соловья баснями не кормят. Это, как раз, три аксиомы гражданской войны.

Он и стал действовать так, чтоб победить. Никаких «особых совещаний» — а настоящее правительство. Никаких «уполномоченных» — а на-

стоящие министры. Никаких посулов какого-то «учредительного собрания» в неопределенном будущем — а сейчас же насущные мероприятия, реформы и законодательство.

Порядок, толковость, организованность сопровождали армии ген. Франко с первого дня по последний. Ничего общего с вакханалией белого тыла нашей Гражданской войны. И результаты разные. У Франко — «победный парад» в Мадриде. У Деникина — сложенные в штабели трупы в Новороссийске. Вот что значит быть лишенным всякого намека на организаторские способности!

Керсновский говорит: «Генерал Деникин лишен всякого намека на организаторские способности». Я говорю проще и короче: «Генерал Деникин бездарность». Керсновский не разлагатель, а я разлагатель. Мои предположения о том, что ген. Франко учел опыт нашей белой борьбы, Керсновский отрицает начисто. «Совершенно немыслимо утверждать, что Франко в какой-то степени учел русский опыт. Он его не знает и даже не подозревает о его существовании». Думаю, что прав Керсновский, а не я. Но тем худшие выводы мы должны сделать о Деникине. Такой же бездарностью был Сухомлинов. Прошло двадцать пять лет. Во главе вооруженных сил, пусть и мифических, стоит ген. Архангельский. Никого более молодого, более яркого и более дееспособного не нашлось? Ежели этот человек стоит во главе недавно крупнейшей зарубежной организации — то это можно объяснить только двумя способами: или лучшего не нашлось, или ничего лучшего не пустили. Выбирайте любое объяснение.

Все, что было толкового среди правящего слоя, Государь пытался найти и поднять. Но он был окружен слишком плотной стеной. П. А. Столыпин был найден и поднят случайно: «молодой саратовский губернатор». И карьера его была головокружительной, в обход всякого чиновничьего местничества. А ведь как травила Петра Аркадьевича вот та же придворная великосветская бюрократическая среда, — конечно, с неизбежной помощью еврейского либерализма.

Все, что было в этом правящем слое ценного, Монархия пыталась найти. За двадцать лет рассеяния и полной свободы действия в этом слое не нашлось, кроме ген. Врангеля, ни одного ценного человека. Слой сгнил. Слой стал политическим импотентом. Польская поговорка говорит, что из пустого сосуда и сам Соломон ничего налить не может. Из разложившегося слоя никакая монархия ничего взять не может. Для того, чтобы хотя бы здесь, в эмиграции, продвинуть к жизни новые силы, весь этот слой должен быть разбит и сброшен со всякого политического расчета.

Один из моих корреспондентов, профессор-металлург, пишет мне: «Да что Вы все сваливаете на Сухомлинова. Сухомлинова-то кто назначил? Царь. Стало быть, Царь и виноват». —

Стало — Васька и тать,
Стало, Ваське и дать —
Таску.

Это обвинение бьет мимо цели — мимо Монархии. Монарх не обязан строить железные дороги, снабжать армию сапогами и пулеметами, выработать национальную военную доктрину, повышать урожайность полей, заботиться о преподавании русской истории в низших и средних школах. Это не его дело. Его дело найти людей и поручить им эту работу. А где найти, если людей нет? Прочтите воспоминания Деникина, как его травили верхи Академии Генерального Штаба. Да и так ли уж Деникин был лучше Сухомлинова? Да и вы, господа офицеры, безо всяких распутинских влияний, никого ведь лучше Архангельского не нашли. А чем Архангельский лучше Сухомлинова и Деникина? И как Государю было верить этим людям, когда, единственная «правда», которую говорили Государю, звучала приблизительно так:

— Ваше Величество, заклинаю именем России, Ваша жена — шпионка и любовница Распутина!

Другой правды не говорили — и теперь не говорят. Вот сказал же Сухомлинов: мы готовы до последней пуговицы. Устраиваются же ныне благодарственные банкеты. Так где же они, эти люди, которым Царь, Царица и Распутин не дали возможности проявить свои блестящие организаторские таланты? Где была у всех этих людей их элементарнейшая честь и где эту честь можно разыскать сейчас?

Вопрос о чести

Во всей распутинской истории самый страшный симптом не в пьянстве. Самый страшный симптом — симптом смерти, это отсутствие общественной совести. Вот температура падает, вот — нет реакции зрачка, вот — нет реакции совести. Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. Совесть не оказалось. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите элементарнейшей семейной чести Государя.

Поставим вопрос так. На одну сотую секунды допустим, что распутинская грязь действительно была внесена внутрь Царской Семьи.

Даже и в этом случае элементарнейшая обязанность всякого русского человека состояла в следующем — по рецепту ген. Краснова, правда уже запоздалому, — виселицей, револьвером или просто мордобоем затыкать рот всякой сплетне о Царской Семье.

Я плохо знаю Англию, но я представляю себе: попробуйте вы в любом английском клубе пустить сплетню о королеве, любовнице иностранного шпиона, и самые почтенные джентльмены и лорды снимут с себя сюртуки и смокинги и начнут бить в морду самым примитивным образом, хотя и по правилам самого современного бокса. А наши, чёрт их дери, монархисты не только не били морду, а сами сладострастно сюсюкали на всех перекрестках: «А вы знаете, Распутин живет и с Царицей, и с Княжнами». И никто морды не бил. Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у трона, — и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи. Я помню, в 1916 году наивным и малость провинциальным студентом я попал в салон баронессы Скопин-Шуйской: ох, как чесались руки. Очень грешен: никому в морду не дал. Просто встал и ушел. Потом мне передавали: такого рода мужика баронесса приглашать больше не будет. Ну, и не нужно.

Иван Тхоржевский ляпает в «Возрождении» совершенно гнусную вещь, гнусную до вони, до отвращения: о том, что «русская монархия была растоптана солдатскими сапогами».

Позвольте Вас спросить, многоуважаемый кандидат в канцлеры Империи Российской: откуда Вы это взяли? Разве русский солдат, который миллионами умирал на фронте, пускал по миру клевету о Царице-шпионке и любовнице шпиона? Разве русский солдат громогласничал с думской трибуны о глупости и измене? Разве русский солдат организовал «генеральское непротивление» по Тхоржевскому и «бездарность» по Орехову? Наконец, разве русский солдат наполнял собою казармы запасных батальонов Петербурга, казармы, наполненные петербургскими дворниками и мастеровыми? При чем здесь солдатский сапог? Сапог вооруженного и невооруженного народа? Где и когда выступал этот сапог против монарха? Вспомните, каким мрачным и трагическим молчанием была встречена на фронте весть об отречении Государя?

Фраза Тхоржевского напоминает мне утверждение «Часового», что в мировую войну не было суворовских солдат. Не знаю. Суворовых и Скобелевых, действительно, не было. Но русский солдат и бился, и умирал ничуть не хуже, чем при Суворове и Скобелеве. Ничуть не хуже суворовского умирал и офицерский состав. Разве их вина, что вместо Суворова был Сухомлинов и вместо Скобелева остался Архангельский?

Разве они, эти солдаты и офицеры, обязаны были заботиться о снабжении и об организации армии? Русский солдат и русский офицер сделали безмерно больше того, на что могла рассчитывать самая буйная и самая требовательная фантазия. Прочтите немецкие мемуары о том, как цепь за цепью гибли эти «солдатские сапоги», дорываясь до штыкового боя. Ведь от этаких описаний в душе вспыхивает и восторг, и ненависть: восторг перед фантастическим мужеством того самого русского солдата, который был и при Суворове, и при Скобелеве, остался и при Сухомлинове, и ненависть по адресу слоя, среди которого уже не было и не могло быть ни Суворовых, ни Скобелевых.

Нет, не солдатский сапог растоптал Монархию. Ее растоптала клевета августейших салонов, клевета думской трибуны, клевета еврейской печати. Клевета душила и задушила Монархию, так же, как она здесь, в зарубежье, душил всякую живую силу молодой России.

Все, как прежде: небо лилово,
Те же травы на той же земле.

Все те же три кита, на которых основывался наш правящий слой: безмозглость, бездарность и бесчестность.

Простите, если я снова обращаюсь к личной иллюстрации того, что, действительно, ничего не изменилось.

Я живу в Германии полтора года. Полтора года подряд мне упорно и настойчиво, с видом самого дружеского расположения и желанием «по-дружески предупредить», говорят самую несусветимую дрянь о моих соратниках по фронту, А. В. Туркуле и А. В. Мельском. Я это пишу, в частности, для того, чтобы над всякими дальнейшими разговорами, по крайней мере со мной, поставить, наконец, точку.

Я не знаю, что это? Эмигрантская сумасшедшинка или перенесенные за рубеж черты характера умирающего слоя? Вот приходят ко мне трое представителей нашей интеллигенции с предложением дружеских услуг по поводу статьи в «Штюрмере».

— Только вы знаете, кто статью написал? — Это Мельский!

О том, что Мельский написал эту статью, уже получены сообщения из Праги, Белграда и Парижа — значит, действует какая-то всеэмигрантская организация клеветы. Симпатичным интеллигентам я говорю: «Послушайте, Мельский пишет в “Нашей Газете”, Мельский шлет ей свои приветствия, Мельский работает для “Белой Библиотеки”. И вот, тот же Мельский будет публично расписываться в том, что он работает в газете врага Германии и еврейского наймита?»

— Ну, вы знаете Мельского — он хитрый. И кроме того...

— Никаких «кроме того». Признайтесь, что вы говорите вздор. И «кроме того», никому больше этого вздора не рассказывайте.

Интеллигенты ушли, обиженные. В тот же день другие интеллигенты уверяли меня, что в квартиру Туркула — две комнаты с кухней — ежедневно ящиками возят водку и коньяк. Те же интеллигенты пришли ко мне с сенсационной новостью: «Вы знаете, Мельский снова получил немецкие деньги и выпускает свой “Вестник”».

Немецкие деньги Мельский действительно получил — из ломбарда. Приезжаю в Берлин и захожу в заваленную бумагами комнатуху — канцелярию РНСД, кабинет Мельского. Нужно перестукать на немецкой машинке двадцать страниц некоего документа. Машинки нет. Где она? Пошла в ломбард вместе с часами и костюмом. На полученные немецкие деньги выпущен очередной номер «Вестника». Когда номер разойдется, машинка и часы будут выкуплены.

Ну, что делать? Что делать? И как доказать иностранцам, что эта бесконечная серия сплетен, клеветы и доносов не есть свойство русского народа, свойство «славянской души», а есть свойство слоя, который ушел и который никогда не вернется. Не вернется не только к власти, а может быть, не вернется и в Россию. Почти одновременно я получил ряд писем от недавних подсоветских. Основной тон: нельзя эту публику пускать в Россию. Первым делом нужно устроить фильтр. Фильтр нужно устроить обязательно. Пусть сеятели «разумного, доброго вечного», клеветы, фальшивок и доносов останутся здесь и пусть утучняют доблестями и бодростями своими парижские тротуары или балканские кабаки.

У Государя Императора в данных исторических условиях был только один путь — путь Ивана Грозного, Петра Великого и Николая Первого. Самым беспощадным образом придавить и продавить всю эту гниль. Организовать новую опричнину, новых потешных, новые шпицрутены или, применяясь к условиям эпохи, нынешних германских штурмовиков. Найти новых Меншиковых, а может быть, и Скуратовых. Но для этого нужна была беспощадность, которой у Государя Императора не хватило.

Повторяю еще и еще раз свою парадоксальную фразу: Государь Император для данного слоя был слишком большим джентльменом. Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги, или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят по крайней мере его семейную честь. — Не отстояли даже и его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали. Исторически это было мезью за Ивана Грозного. Но всякая мезь — это в большинстве случаев мезь самому

себе. Правящий слой «отомстил» и убийством семьи, и своим собственным самоубийством. Свое собственное самоубийство он заканчивает в эмиграции.

У Государя Императора не хватило беспощадности. Мы должны из этого извлечь свой собственный урок. Государь ушел из жизни, может быть, и не «героем». Но он ушел мучеником. «На крови мучеников созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее». Сейчас, после революции, распутинская клевета русской монархии уже не одолевает. Ни Перса, ни Тхоржевского русский народ читать не будет. Холливудский фильм русский народ не смотрит и смотреть не будет. Профессорские и генеральские мемуары до него не дойдут. Но мученическая гибель Царской Семьи, всей Семьи, до него уже дошла. Если не верите мне, перечитайте Карла Альбрехта, немца, бывшего коммуниста, нынешнего социалиста, человека, который и мне никак не может простить моего монархизма.

— А какое вам, собственно, дело до моего русского монархизма? Вам, немцам, я никаких советов не даю.

— Нет, как вы можете говорить о монархии. Монархия — это гнет, нагайки, нищета.

Словом — стрижено-брито. Но все-таки Карл Альбрехт отыскивал в русских избах царские портреты, спрятанные под иконами Христа Спасителя. Вот это есть факт, факт чудовищного значения. А мемуары? Чепуха мемуары. Русскую историю будет определять русский мужик. Он ее всегда определял. Определит также и солдатский сапог — сапог вооруженного русского мужика. Кое-кого он, действительно, растопчет. Растопчет беспощадно и окончательно.

Свою статью, пересыпанную намеками на безволие Государя и болезненность Государыни, Тхоржевский заканчивает в нестерпимо высоком штиле:

«Став на колени, жарко молимся мы о них и с ними. Чистый блеск их мученического венца благословит будущую Россию».

И о жаркой молитве позвольте мне уж остаться при особом мнении. Право на жаркую молитву, да еще и на «молитву с ними», нужно заслужить. Нужно заслужить покаянием. Собственным покаянием. Если, говоря условно, Милюков кается за счет Тхоржевского, а Тхоржевский кается за счет Милюкова — грош цена обоим покаяниям. Есть и такой в эмиграции дядя — очень известный, генерал, ныне председатель одного из отделов Общества ревнителей памяти Государя. Этот ревнитель в те дни, когда больная Царская Семья находилась под арестом в Царском Селе, отклонил просьбу Государыни приехать навестить больных княжен: ему, видите ли, было политически неудобно. Вот этакий

дядя будет «жарко молиться». И будет жарко каяться... за чужой счет. За счет солдат, офицеров, мужиков, рабочих, политических противников и политических соседей, но только, избави Бог, не за свой собственный счет. Ибо, если покаяться за свой собственный счет, тогда нужно закрыть и орган еврейского либерализма «Последние новости», и орган застойной реакции «Возрождение». Представьте себе Милюкова, который стал бы на колени и начал бы жарко каяться в своей «глупости и измене». Представьте себе Деникина, который честно сказал бы русскому Зарубежью: «господа, не повторяйте моих ошибок». Держи карман шире! Милюков свалит на Деникина, Деникин — на Керенского, Керенский — на Корнилова, Тхоржевский — на русского солдата, Архангельский — на немцев, и все они, вместе взятые, — на Солоневича. Вот кто разлагатель! Вот кто разводит в эмиграции бездарность, безмозглость и бесчестность!

У всех этих людей, у каждого из них, есть святое, заветное место. У Милюкова оно в еврействе. Вы можете посадить Милюкова на кол, но о вине еврейства он не скажет ни слова. У Тхоржевского, скажем, во внутренней линии со всеми ее предками и потомками. Ежели он заикнется, его съедят.

И у нас есть наше святое, заветное место. Это — память мученической Царской Семьи, Семьи, которая была затравлена потрясающе подлой и бесчестной клеветой. И мы, может быть, вправе обратиться к бывшим и проектируемым канцлерам Империи Российской с самой настоятельной просьбой: не лезьте в это святое место грязными сапогами разговорчиков о слабоволии Государя, об истеричности Государыни и о предательстве со стороны русского солдата. Ежели вы хотите судить судом истории — судите раньше всего самих себя. Судите раньше всего свою собственную бездарность, безмозглость и бесчестность. И не обливайте грязью Великих Молчащих Мучеников: Царя, Царицу и Народ.

